

Эдвард Т

**Фантастическая
история человечка**

«Автор»

2026

Т Э. В.

Фантастическая история человечка / Э. В. Т — «Автор», 2026

Он родился в Швеции на рубеже 1930х годов. Он страдал хондродисплазией. Уже при рождении он обращал на себя внимание своей весьма необычной внешностью. Настолько необычной, что его отец дал ему имя, означающее "наказание, Божья Кара". Он рос в мире, где мама и бабушка были единственными живыми существами, которые любили его и считали человеком. Его любимой книгой, которую мама читала ему перед сном, была "Питер Пэн и Венди". В возрасте шести лет его отняли у мамы во исполнение Политики Расовой Гигиены. И отправили доживать свой век в приют. Думаю, и так ясно, что для того, кому имя - "Божья Кара", жизнь среди озлобленных жертв бесчеловечного мира взрослых была сущим адом. Единственным спасением для него были... его сны. В них он летал, как Питер Пэн, мальчик, отказавшийся вырасти. И его мечтой стало - ЛЕТАТЬ! Улететь из этого приюта, из этого мира назад, к маме и бабушке...

© Т Э. В., 2026

© Автор, 2026

Эдвард Т

Фантастическая история человечка

Посвящается моей любимой семье.

Дорогой Читатель, здравствуй.

Это фантазия от начала и до конца, но в ней использованы вероятные, хоть и фантастические, гипотезы, а также – реальные факты и их нереальные истолкования. Реально существовавшие места, люди, открытия являются здесь фоном, на котором разворачиваются фантастические события. Фантастические судьбы на этих страницах вписаны в реальное прошлое.

Это как будто некое параллельное измерение, в котором возможно то, что пока (а может, и никогда) невозможно здесь, в нашем мире, и которое пересекается и переплетается с нашей реальностью в каких-то определенных точках пространства-времени.

Теперь ты готов.

Вперед!

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧКА.

Хорошо быть свободным, когда ты не один.

Эрих-Мария Ремарк.

Пролог.

– Итак, херр¹ Профессор, думаю, для Вас, как и для любого, кто способен сложить два и два, уже не является секретом, что Германия проигрывает войну. – полковник Свенссон, чиновник Штаба Национальной обороны, внимательно смотрел в глаза собеседника, удобно расслабившись в кресле напротив. Это был ладный моложавый сорокапятилетний вояка с крепко сшитым жилистым телом. Во всем его облике сквозили дисциплина и верховенство уставов. Он, даже расслабившись, похоже, всегда находился в состоянии «готовность номер ноль». Его седеющие волосы были острижены в короткую уставную прическу с косым пробормом. В умных голубых глазах, обычно холодных, как две льдинки, обращенных на Профессора, читался пристальный интерес.

Он и его собеседник, профессор Бьорн аф Лунд, находились в рабочем кабинете профессора в старейшем университете Швеции, в городе Лунд в южном лене² Сконе.

Профессор выдержал паузу. Он славился своим умением держать паузу. Кто знает, почему полковник именно сейчас и именно с ним поднял эту тему...

– А вы молодец, херр Профессор, – полковник широко улыбнулся, но взгляд его остался внимательным и цепким. – Сомневаетесь, как правильно ответить? Вы не болтливы. И благодарны. Ценю. Именно поэтому я сейчас говорю с Вами. Мне Вас рекомендовали.

Лунд продолжал молчать, не проявляя ровно никакой заинтересованности. В этом крупном, статном мужчине с седыми волосами, ровеснике Свенссона, прежде всего можно было заметить достоинство, которое выдавали осанка, взгляд, манера двигаться. Не высокомерие, не гордыня, а именно достоинство.

Он все так же не отводил глаз от Свенссона, спокойно выдерживая его взгляд.

Хотя Швеция формально и придерживалась нейтралитета в этой войне, германские войска, тем не менее, передвигались к Восточному фронту и обратно по ее железным дорогам, немецкая военная промышленность покупала шведские нефтепродукты, железную руду, шарикоподшипники, так необходимые для ведения войны. А Швеция покупала германский уголь, синтетический каучук и искусственные удобрения, потому что больше их взять в условиях этой войны было негде. Шведская полиция и разведка тесно сотрудничали с гестапо, сотрудничали очень продуктивно, выдавая им антифашистов и антигитлеровски настроенных граждан. Пока не стало ясно, что Гитлеру не победить.

В зимнюю военную кампанию шведские добровольцы воевали в Финляндии против Советов. Не то, чтобы очень эффективно, однако воевали, исполняя свой моральный союзнический долг, как они его понимали, и гибли в заснеженных лесах северного соседа,

А гражданские шведы собирали пожертвования, теплые вещи для бойцов Корпуса. И считали это своим патриотическим долгом. Потому что боялись и ненавидели «красную угрозу». И очень хотели вкусно есть и пить, особенно хороший кофе, который они любили почти так же сильно, как Швецию, и в котором ощущался острый дефицит из-за того, что Германия перекрыла доступ в Европу и Америку и замкнула на себе все торговые и военные интересы Королевства Швеция. Фактически сделав его своим вынужденным негласным союзником.

Теперь же правительство наводит мосты с членами антигитлеровской коалиции. Оно всегда было с тем, кто побеждает в данный момент, всегда действовало, исходя из выгоды для страны и больше ни из чего.

Но, хотя Германия – уже бывший партнер, у нацистов все еще много приверженцев, в том числе и среди чиновников самого высокого ранга. Поэтому лучше не говорить лишнего.

– В Стокгольме сегодня уже декабрь 1944 года. Русские по всем статьям бьют Гитлера. – продолжал Свенссон. – И скоро они его добьют. Рассчитывать на чудо никому уже не приходится. Коалиция ждала-ждала, кто победит, но теперь, при всей своей ненависти к Советам она, как Вы знаете, на их стороне. И нам надо думать, как мы будем жить в новом мире.

– Так что же вам угодно от меня, господин полковник? Я не военный и не политик. Не понимаю, чем я могу быть полезен. – Профессор спокойно налил из графина, стоявшего на столе, воды в хрустальный бокал и с видимым удовольствием сделал несколько небольших глотков.

Полковник огляделся. Стены кабинета были увешаны дипломами самых разнообразных научных симпозиумов и выставок, наградами за изобретения и всякой подобной научной чушью, говорившей, однако, об универсальности научного потенциала хозяина. И именно это сегодня привело чиновника сюда.

– Правительство, Штаб Национальной обороны, если хотите – Королевство Швеция, ждут от Вас, уважаемый Профессор, патриотического научного подвига. – лицо Свенссона стало серьезней некуда. – Когда Советы сломают Гитлеру хребет, они начнут передел мира. Бывшие союзники Германии в Европе – Болгария, Румыния, Югославия, Финляндия – уже вышли из войны. Потом будет раздел Европы. Советский Союз у нас практически под боком. Поэтому нам необходимо позаботиться уже сейчас о национальной безопасности.

Свенссон сделал паузу, и снова впился глазами в профессора.

– Правительство поручает Вам произвести научные исследования с целью создания супероружия, которое станет важным аргументом в послевоенном мире. Любое финансирование. Любые материалы. Любые специалисты. Абсолютная секретность.

– Но почему именно я? Оружие, а тем более – супероружие, – тут профессор иронически усмехнулся, – совершенно не моя область...

– Вы – универсал, Вы работаете на стыке наук, значит, именно Вы можете создать нечто совершенно новое, совершить революцию в вооружениях.

– Я могу отказаться? – Профессор Лунд с сарказмом ухмыльнулся. – Интересуюсь чисто для профформы.

– Нет. Это даже не обсуждается. Считайте, что Вы мобилизованы. Вы же все понимаете... И от Вашей работы зависит не только Родина. Но и Ваша личная и научная судьба. И судьба Вашей семьи.

Последняя фраза вызвала у профессора гримасу, как если бы у него внезапно разболелись зубы. Он встал и, глядя мимо полковника, с холодной вежливостью произнес:

– Херр полковник, не смею вас более задерживать. Я должен работать. Всего наилучшего.

Часть 1. Проект «Эльф»

Эгиль Фергюссон. Жизнь, как она есть.

На юге Швеции, в городе Карлскруна³ жила да была семья.

Муж, херр Карл Фергюссон, 36 лет от роду, работал на верфи, строил военные корабли.

Жена, фру Марта Фергюссон, 25 лет, работала на текстильной фабрике.

Поскольку херр Карл Фергюссон работал на верфи военно-морского ведомства и был мастером смены, а значит – человеком важным, жили они в небольшой однокомнатной квартирке в пятиэтажном, доме, под самой крышей, откуда открывался шикарный вид на море и корабли.

Все у них было хорошо, они хотели иметь много детей.

Никто не знает, что у них там произошло, но в результате этого происшествия в 1929 году родился я.

Уже при рождении я был не таким, как все: у меня было странное телосложение: крупная голова, коротковатые конечности. И со временем моя непохожесть на других детей становилась все более заметной. Туловище мое продолжало расти, чего нельзя было сказать о руках и ногах. Голова тоже росла и имела весьма странную форму⁴. Спутать ее с головой обычного ребенка не смог бы даже слепой. И на этой голове росла яркая рыжая шевелюра.

Мама любила меня, чего нельзя сказать об отце. При рождении он придумал мне имя «Эгиль» – наказание, кара. Он старался как можно меньше находиться дома, особенно быть рядом со мной. Не помню, чтобы он играл со мной, брал меня на руки, обнимал... Наверно, ему было бы очень неприятно все это, ведь я такой странный...

Благодаря ему же меня никогда не фотографировали и не фотографировались вместе со мной. Наверное, папе Карлу Фергюссону было из-за меня очень стыдно.

Соседи, особенно соседские дети, смеялись и называли меня «dvarg, двари», это значит «гном, карлик». Дети не хотели играть и даже просто разговаривать со мной. Максимум, на что я мог рассчитывать – так это всякие мелкие и неприятные каверзы с их стороны. Бить меня и пакостить по-крупному они не решались, потому что побаивались моей мамы, которая всегда защищала меня.

Еще у меня была бабушка, мамина мама.

Когда я родился, она сразу меня полюбила. Так мне рассказывала она сама, когда мы приходили к ней в гости. Она меня называла то «мой дорогой ниссе⁵», то «мой маленький тролль⁶» и обнимала так крепко, что иногда я даже не мог вздохнуть в ее объятиях. Наверное, она была чемпионкой по обниманию. И она всегда пекла для меня плюшки и угощала вареньем.

Часто бабушка читала мне одну очень интересную сказку. В ней говорилось о мальчике, который умел летать.

«Питер Пэн и Венди», так она называлась, та книга.

Папа смеялся надо мной, когда я говорил, что когда-нибудь тоже научусь летать. Он говорил: «Посмотри на себя в зеркало, Эгиль. И ты думаешь, ЭТО сможет летать? Гномов не берут в пилоты.»

Бабушка часто ругала папу за то, что он совсем мною не занимается и обижает меня. А мама в ответ только грустно вздыхала.

Когда мне исполнилось пять лет, в стране началась забота о расовой чистоте⁷. Выражалась она, как я узнал много лет спустя, в принудительной стерилизации тех женщин, которые могли угрожать этой самой чистоте. Естественно, имея такого «красавчика», как я, мама попала в первые ряды жертв этой государственной программы.

Так как папа Фергюссон мечтал иметь много детей, мама после этого сразу перестала быть ему интересна. А я ему не был интересен с самого моего рождения.

В-общем, херр Фергюссон вынудил маму согласиться на развод. Конечно, он остался в служебной квартире. Мама говорила, он вскоре снова женился и у него снова родился гном вроде меня.

А мы переехали в Пантархольмен⁸, в тесную квартиру на втором этаже, тоже под самой крышей, только оттуда не видно было моря. У нас был туалет в холодном коридоре, тесная кухня и одна маленькая комнатка на двоих.

Почему в Пантархольмен? Потому что он находится на перешейке, ведущем в центр города, и это, как говорила мама, удобнее и немного престижнее, чем жить в совсем уж дешевом Бьоркхольмене или Лонгё⁹, хоть там и намного проще было бы платить за жилье.

И здесь, на новом месте, я снова был «двари», со всеми вытекающими...

Мама больше не вышла замуж. Она была со мной добра. Но воспитывать такого, как я, в одиночку было очень тяжело. Работа на текстильной фабрике отнимала много времени и сил, а денег приносила немного.

Однажды какие-то взрослые решили, что мама не может обеспечить мне сытое детство и воспитать из такого чуда будущего работника на благо Швеции. К тому же я так сильно отличался от других детей, да и вообще, от всех обычных людей, что для расовой гигиены страны я был просто опасен.

И никто не спросил, что на этот счет думаю я. Меня просто отняли у мамы и отправили в приют.

Так для меня началась жизнь, в которой я не был нужен решительно никому.

Полковник Свенссон. Сверхзадача.

Черт их поймет, этих умников! Вроде профессор, на стенах столько всякой наградной бумаги. Был бы военным – вся грудь была бы в Орденах Меча¹⁰, определенно. А не понимает простых, казалось бы, вещей.

Да где им, профессорам, понимать тонкости военной политики!

Офицер бы с полуслова понял, а не понял бы – все равно принял бы к исполнению. Но ведь этим-то не прикажешь...

А почему не прикажешь? Дело национальной безопасности, любому можно приказать. Ну, думаю, он все-таки все прекрасно понял. По лицу было видно.

В конце концов, приятный, разумный человек, хоть и штатский. Не хотелось бы ему приказывать.

Кстати, о его семье. У него ведь только супруга. Сын недавно умер... Эх, все же не хватает нам, солдатам, душевной чуткости. Вовремя вспомнил бы - выразил бы соболезнования. По-человечески правильно было бы. Нехорошо получилось.

Ну да ладно, что уж. Теперь будем вместе работать, еще будет случай проникнуться, и не один. Нам теперь надо сойтись поближе, все-таки важное дело у нас. Государственное. Можно сказать, в наших руках - судьба Родины.

Все эти мысли проносились в моей голове, пока я возвращался на заднем сиденье в служебном автомобиле в Штаб национальной обороны из Лундского Университета от Профессора. Забавно, из Лунда от профессора Лунда. Почти анекдот. Жаль только, даже жене не расскажешь. Секретность.

Я ехал на новеньком штабном Volvo 911 TPV. Машина надежная, но, к сожалению, не такая быстрая, как Мерседес. Путь был неблизкий, и я задремал.

Когда я проснулся, за окнами авто проплывал вечерний Стокгольм образца 1944 года. Хотя наша прекрасная столица находилась далеко от фронтов, война все же наложила на ее внешний облик неизбежный отпечаток. Памятники, эти свидетельства нашей истории, наша гордость, были обложены мешками с песком и выглядели теперь довольно-таки нелепо; парки и площади как глубокими рваными ранами были изрезаны зигзагообразными траншеями и обез-

ображены бомбоубежищами. Стекла витрин были заклеены крест-накрест белыми бумажными полосами. Светомаскировка погружала город в довольно плотный сумрак: уличные фонари практически не работали, окна домов и учреждений были затемнены плотной тканью, нечистые автомобили двигались по мостовым с полузакрашенными черной краской фарами.

Одним словом, столица Королевства была готова к обороне.

Водитель плавно затормозил у Штаба, выскочил из машины и, открыв передо мной дверь, вытянулся по стойке «смирно». Молодец, солдат! Службу не забывает, хоть и устал, наверное.

В приемной Начальника Штаба я даже не задержался. Меня уже ждали, поэтому дежурный офицер препроводил меня прямо в кабинет.

Надо сказать, мне повезло с командиром.

Карл Август Эренсверд¹¹. Боевой офицер, не какая-то штабная крыса.

В Финляндии и на Аландских островах мы с ним вместе воевали в Добровольческом корпусе, чем я очень горжусь.

Именно он отправил меня в Лунд. Потому что знает, что нужно в наше время для прочного политического положения. Нужно такое оружие, которого нет ни у кого. Понятно, что по части всякой химии и бактерий конвенции говорят вполне определенно. Но это буквально означает, что нам нужно что-то другое, но не менее мощное. Ведь что-то же нужно делать.

– Ваше превосходительство!.. – начал я по уставу.

Эренсверд нетерпеливым жестом руки дал понять, что официальную часть можно опустить.

– Ну что, Свенссон, что у нас в Лунде? Что думает о нашем деле Профессор?

– Ваше превосходительство, он пока не понимает. Но все, что я о нем знаю, весьма обнадеживает. Я уверен, он способен выполнить задачу и будет замотивирован должным образом. Но пока нет никакой ясности с самой задачей.

– Вы не хуже меня знаете, нужно что-то особенное, что пока не запрещено международными конвенциями. Что-то принципиально новое. Пока ничего более определенного сказать не могу. Какие-нибудь суперсолдаты, что-то в этом роде. Разузнайте, что в этом направлении в мире есть. – Эренсверд жестом дал понять, что я свободен.

– Ваше превосходительство, будет исполнено.

– Пока отдохните, полковник. Завтра с утра приступайте. Разведка предоставит вам информацию по теме. Я распоряжусь.

«Какие-нибудь суперсолдаты» ... Нда-а-а. Вот задачка... ничего пока не понятно. Надо думать.

Что же такое требуется сейчас армии Швеции, что поможет нам быть защищенными и независимыми при любом исходе войны?

Советы, как и Германия, используют парашютные способы заброски диверсантов в тыл врага. Дело известное и эффективное. Но не новое.

Американцы всюду строят вертолеты¹²... Уже и реактивный построили весной прошлого, 1943 года. Военная наука не стоит на месте!

Если подумать, вертолет – вещь в военном деле весьма полезная. Но, я слышал, громоздкая и очень шумная. Годится, разве что, для переднего края. На такой летающей штуке скрытно ни людей, ни технику не забросишь...

Хм... «Какие-нибудь суперсолдаты» ... Представляю себе... Этаким человек-вертолет... С винтовкой, гранатами... минами...

Конечно, не реактивный, но – чем черт не шутит!

А что... Если пофантазировать... Рота таких летающих солдат очень даже может решать важные боевые задачи! Заброска, диверсии, атаки с воздуха... Ну-ка, ну-ка...

Так это же задачка как раз для такого универсала, как наш Профессор! Пусть попотеет, у него получится! Полковник Альберт Свенссон, а ты совсем не дурак!

Кстати, интересно, а послал ли кого-нибудь Эренсверд в Каролинский институт? Хотя это не так уж важно. В Лунде есть все необходимое, остальное доставим.

Насчет человеческого материала все очень неплохо: мы часто используем этих брошенных бедолаг из Випехольма для своих нужд. А ведь это как раз в Лунде! Да и Профессору будет не в новинку, дело привычное.

А полевые испытания будем проводить как обычно, на авиабазе F 10 Энгельхольм, опять же совсем рядом с Лундом.

Как же превосходно все совпадает! Теперь главное, чтобы он взялся...

А если скажет, что в принципе невозможно – будем думать что-нибудь еще...

Вот только время сильно поджимает.

Завтра же еду в Лунд.

Эгиль. Приют.

За нас с мамой все решили, и ничего здесь уже было не изменить.

Когда меня забирали, бабушка была у нас. Они с мамой просто плакали. Потом кричали. Потом угрожали. Потом обе они затихли. На лице мамы было написано полное бессилие. Она еще пыталась держаться, чтобы не пугать меня, говорила, что обязательно вернет меня домой. Бабушка крепко обнимала меня, так крепко, что я с трудом мог дышать. Она шептала мне, что так не может быть, чтобы у матери отнимали единственного ребенка. И я так хотел верить ей!

Однако, когда служащие опеки вырвали меня из ее сильных рук, в глазах ее явственно читалось понимание, что от нас уже ровным счетом ничего не зависит.

Сначала меня отвезли в приемник-распределитель. Уже там я начал приблизительно представлять, что меня ожидает впереди.

Какой-то дядя в белом халате приказал мне раздеться, потом безразлично и довольно грубо ощупал меня, заглянул мне в рот. Лицо его при этом оставалось абсолютно ничего не выражающим, как лист белой бумаги, на котором я должен был что-то нарисовать, но почему-то не нарисовал.

На этом его интерес ко мне закончился. Вообще, было похоже, что интереса никакого и не было вовсе, просто дяде обязательно надо было сделать то, что он сделал. И как будто это был вовсе и не живой дядя. А какая-то машина, которая делает то, для чего ее собрали. Работа такая.

Потом со мной поговорила тетя. Она задавала мне вопросы, я на них отвечал. Похоже, мои ответы ее сильно удивили. Она как-то по-особенному посмотрела мне в глаза, мне даже показалось, как будто она меня жалеет. Наверное, она добрая.

Она спросила меня, умею ли я считать. Конечно умею. Мама со мной занималась, когда у нее были силы и время.

Когда я решил несколько примеров на сложение и вычитание, она была в восторге, как будто ей подарили игрушку, о которой она всю жизнь мечтала. Она быстро встала из-за стола, за которым сидела, и выскочила из комнаты.

Вернулась она довольно быстро вместе с дядей в белом халате.

– Херр доктор, он умеет считать! – сказала она так, как будто сообщила херру доктору о каком-то чуде.

«Белый лист» доктора никак не изменился. Машина безразлично посмотрела на меня и абсолютно пустым голосом проговорила:

– Да? И что из этого? Посмотрите на него. Ему же прямая дорога в специализированный приют для увечных. В нормальный приют ему нельзя. Заклюют.

– Херр доктор, посмотрите ему в глаза, прошу вас! Ведь он же умный... А в спецприюте из него сделают... Их же там совершенно не учат, они никому не нужны. Будет чуркой с глазами. А потом инвалидный дом. Это разве жизнь?

– Да знаю, знаю! – сварливо и в то же время горестно проговорил херр доктор (ого, да это живой человек?), и стало ясно, что он, как ни странно, и правда все понимает, но сделать ничего не может. Поэтому он снова надел на лицо свой «белый лист». – И что вы предлагаете?

– Давайте его отправим в обычный приют? Да, ему будет трудно, но это же для него хоть какой-то шанс, правда? – Тетя посмотрела ему в глаза так, как будто выпрашивала у него конфетку.

Доктор в сомнении почесал в затылке и сложил руки на груди.

– А если с ним что-то случится в приюте – кто ответит?

– Уж точно не мы с вами. Да никто и не будет разбираться. Кому они там нужны...

И тетя горько вздохнула.

Они написали какие-то бумаги, поставили печати и отправили меня на автобусе в сопровождении полицейского.

Так я попал в обычный приют вместо специального для таких уродцев, как я.

Группа у нас разношерстная, собрали мальчиков самых разных возрастов. Я в свои шесть лет довольно мелкий, да еще и уродливый, о чем мне постоянно напоминают товарищи по несчастью, особенно самый большой из нас – Рулле. Ему десять. Долговязый детина с тщательно прилизанными блеклыми жидковатыми волосами, и такими же блеклыми злыми глазами, мрачный и замкнутый, как будто все время высматривающий, кому бы напасть. Он сам никогда не дерзит начальству в открытую, но частенько организует для этого мелкоту, которой верховодит. Он с самого начала невзлюбил меня и при каждом удобном случае шпынует самым жестоким образом. Кто знает, может быть, в раннем детстве его обижали еще чаще и сильнее, чем меня. А может, у него никогда не было мамы. Вовсе. Отчего-то ведь он стал таким.

Остальные жители нашей казармы у него на побегушках. Никто из них не хотел бы оказаться на моем месте, поэтому добросовестно травят меня по его приказу.

И, конечно, «Двари» стало моим именем уже официально. Да что там! – имен здесь нет ни у кого, одни клички. Кто-то «длинный», кто-то «косой», кто-то «кривоножка». Если кому-нибудь это не по душе – можно не отзываться. Но тогда рискуешь получить по шее от Рулле или его тупенького трусишки-подручного Филле.

Мне приходится всегда быть настороже, всегда оглядываться. Никогда не знаешь, откуда может «прилететь». А когда оно вот-вот прилетит, я «выключаюсь». Так я обманываю всех. Они думают, что бьют меня, а я в это время смотрю на них из совсем другого места. До которого им не добраться никогда. Мимо меня. Мимо меня!

Вся наша жизнь теперь проходит по режиму.

Подъем в 6.00. Сразу после подъема – умывание, холодное обливание. И не важно, здоров ты или шмыгаешь носом.

Потом – заправляем постели. Не дай бог, если хоть одна складка, или неровно лежит подушка... могут и выпороть. Или лишить завтрака. Но это – полбеда. За одного провинившегося наказывают всех. Так что потом этому одному небо с овчинку кажется: за его воспитание берется вся группа. А если вспомнить, что староста у нас – Рулле...

Заправили постели – все на молитву. Как же осточертело! Бог все равно ничего не слышит. Думаю, он просто забыл про нас за более важными делами.

Если все получилось – завтрак. Всегда одно и то же – овсянка или ржаная каша. Говорят – питательно и полезно. Хочешь – ешь, не хочешь – не ешь. Ничего другого все равно не получишь.

После завтрака – школьные уроки. Я читаю и считаю лучше многих в группе, даже тех, кто старше меня. Но учителю на это наплевать. Он частенько говорит нам: «толку с вас все равно не будет, учи вас или не учи. Отправят на какую-нибудь ферму или завод разнорабочими...». Однако не упускает случая выпороть тех, кто не учит уроки.

Рулле очень скоро понял, что меня можно использовать, чтобы самому не попадать под порку. Он заставляет меня делать за него уроки. И вообще, посадил меня за свою парту, и я подсказываю ему ответы на вопросы. За это он меня некоторое время лупит менее жестоко.

Потом мы обедаем. Разнообразие такое же, как на завтрак: картошка, селедка, жидкий невкусный суп, такой же компот. И так – каждый день.

После обеда – ручной труд. Меня пробовали пристроить к ремонту обуви, но я исколот шилом все руки и пару раз был облит обувным клеем благодаря своим заботливым «друзьям». И тогда меня отправили в столярную мастерскую. Так получилось, что в столярке я работал один, поэтому почувствовал себя значительно лучше и вскоре лихо орудовал рубанком. Конечно, мои короткие уродливые руки создают определенные проблемы, но я как-то приспособился. Просто мне нравится запах свежих стружек и столярного клея. А вообще, нас в любой момент могут отправить на какую-нибудь ферму грести навоз или сено. Строем, разумеется.

Ужин – хлеб с молоком. Потом короткая прогулка во дворе. Вообще, куда бы мы ни шли – всегда строим. Надзиратель часто говорит, что так нас приучают к дисциплине и коллективизму. И что это нужно Швеции. Потому что тогда мы вырастем дисциплинированными и полезными для Родины.

После прогулки – отбой. Еще один день пролетел, как будто его не было.

И только во сне я свободен. И летаю, как Питер Пэн... Летаю высоко-высоко, так высоко, что, глядя вниз, на землю, не вижу ни приюта, ни его обитателей. А потом я лечу к маме и бабушке...

А утром – 6.00. Подъем. И дальше – по кругу.

Говорят, так будет до совершеннолетия. То есть, до 21 года.

Я все время жду. Жду, что мама придет и заберет меня... Но проходит еще один день, и она снова не приходит... Наверное, я ей не нужен. Она не любит меня... Но ведь она – моя мама... Значит обязательно любит! И когда-нибудь...

А я снова здесь, в проклятом приюте.

Да, как-то надо выжить...

Профессор Лунд. Снова этот Свенссон.

– Господин Профессор, вынужден снова Вас беспокоить.

Господи! Снова этот Свенссон! Опять со своей политикой? Что-то мне не нравится выражение его физиономии...

– Господин полковник... Что случилось? – надеюсь, мне удалось скрыть недовольство.

Полковник посмотрел на меня с таким видом, словно совершил открытие как минимум на соискание Нобелевской премии.

– Господин Профессор, в нашей недавней беседе я упомянул о насущных интересах Национальной безопасности Швеции. Имею приказ непосредственно Начальника Штаба Национальной Обороны. Мне поручено поставить Вам задачу по созданию летающих солдат.

Очевидно, мои брови самопроизвольно полезли куда-то высоко вверх от удивления, потому что Свенссон сделал останавливающее движение рукой и спешно, но по-военному четко, проговорил:

– Я поясню, господин Профессор, не спешите так реагировать, пожалуйста. Могу я присесть?

Рукой я молча указал ему на кресло напротив меня. Он сел, прямая спина его выдавала внутреннее напряжение.

– С Вашего позволения, я напомню, что это в наших с Вами общих интересах. И – прошу прощения, в прошлый раз я не выразил Вам соболезнований по поводу Вашей трагической потери...

– Спасибо, полковник, но, полагаю, это не имеет отношения к предмету Вашего визита.
– ответил я, стараясь сохранить спокойствие, хотя, признаться, ему удалось застать меня врасплох. – Так что там за «летающие солдаты»? Что-нибудь на парашютах или воздушных шарах? Тогда при чем здесь я?

Полковник задумался. Потом, видимо, решившись, произнес:

– Господин Профессор, нет. Летающие солдаты – те, которые смогут перемещаться в воздухе на дальние расстояния и выполнять боевые задачи... без каких-либо дополнительных летательных аппаратов.

Сумасшедший. Явный сумасшедший. Ему место в Випехольме¹³! Кого только теперь ни берут в армию! Черт знает что!

– Как вы это себе представляете, полковник? Это же бред! Нет, с точки зрения ведения боевых действий, как я их себе представляю, это было бы чрезвычайно полезно, конечно, в смысле удобства, скрытности, эффективности...

Да черт же его возьми, этого полковника! А ведь, пожалуй, в самой идее что-то есть... Ну вот, с сумасшедшим поведешься... Однако что-то в этом есть...

А что, если... Например, солдату нацепить на спину двигатель с винтом, наподобие самолетного? Нет, получится громкий, неудобный, а главное – нелетающий солдат.

А если...

– ... Господин Профессор, Вы меня слушаете? Я Вам пытаюсь донести возможную концепцию...

– Так вы говорите, любое финансирование? Любые материалы?..

Например, это будет ранец с двигателем на высокоэффективном топливе... И небольшие крылья с элеронами... а рулить ими он будет с помощью рук... Черт, нет! Снова нелетающий... и, к тому же, с занятыми руками, винтовку держать нечем! Но... так, а если высокооборотная турбина?... вот это, пожалуй, мысль! Так-так, дальше...

– ... господин Профессор...

– Полковник, вы мне мешаете. Вообще, концепция мне ясна, вы можете доложить начальству, что я заинтересован. Всего наилучшего.

Свенссон изумленно посмотрел на меня, хотел что-то ответить, но из него выпорхнул какой-то непонятный звук, то ли он поперхнулся, то ли подкашлянул. Потом он овладел собой, встал с кресла, церемонно кивнул головой, прощаясь, и, сделав строевой разворот «кру-гом!», покинул мой кабинет.

Наконец-то он перестанет мне мешать! Попутного, господин полковник!

Так на чем я там остановился? Ах, да, высокооборотная турбина...

Ну конечно! Человек-вертолет!

Профессор Лунд. Идея.

Человек-вертолет! С высокооборотной турбиной! Это будет... Научный прорыв! Такого еще никто и никогда не делал!

Нужны здоровенные мужчины. Гренадерского телосложения. Чтобы такую турбину таскать. И нужна миниатюрная, но мощная турбина, чтобы такого grenадера носить по воздуху. Вот такой парадокс.

Помнится мне, полковник обещал любые материалы? Любое финансирование? И что-то про любых специалистов? Ну, из него эти слова никто клещами не вытягивал.

Я сидел за рабочим столом, глядя прямо перед собой и ничего не видя. В голове стремительно и хаотично двигались мысли, картинки, образы. Мое обычное состояние, когда многообещающая идея овладевает мною.

Значит, в этом действительно что-то есть, интуиция меня никогда еще не подводила.

Интересно, военные обратились только ко мне? Или, как обычно в таких случаях, в Каролинский институт¹⁴?

Не суть важно! Я все равно буду первым!

Швеции нужно супероружие. Мне нужна мощная идея и простор для ее воплощения. Значит, пора начинать.

Так, срочно по списку: толковый инженер, из авиационных; грамотные чертежники, ну и все, что для них необходимо, разумеется; испытательный стенд, аэродинамическая труба. Да, и конечно, все о вертолетах!

А самое главное – люди. Нужны добровольцы. На первое время хватит и «испытателей» из Випехольма, а потом полковник пусть обеспечивает подготовленными кадрами, это уж его забота.

Ну что, доктор Лунд из Лунда, вперед!

Полковник Свенссон. Где искать пилота?

Уже почти два года нашему проекту, и результат нулевой!

Я просто в отчаянии. Время уходит, деньги тратятся, люди погибли.

А главное – Родина ждет.

Неужели я не смогу? Неужели профессор неспособен создать то, что мы от него хотим?

Я уже почти не вылетаю с аэродромов, наблюдая, как взлетают и садятся самолеты. Я езжу на парашютные прыжки, прыгаю сам и смотрю, как прыгают другие.

Иногда кажется, что вот-вот я все пойму и на меня снизойдет озарение, но...

Проходит еще некоторое время, и я понимаю, что все еще блуждаю в потемках.

Задача никак не хочет решаться. Вот ведь я попал в передел! Дело-то государственной важности...

Это не первое мое задание. Да, бывало трудно, но я всегда мог мобилизоваться, и решение обязательно находилось, такой уж я человек. Для меня невозможна даже сама мысль, что приказ можно не исполнить! Я ведь офицер!

Но на этот раз я в тупике. Похоже, все когда-нибудь происходит впервые, и даже я могу провалить важнейшую миссию...

Хотя... возможно, мне надо ненадолго отвлечься от всего этого? Вероятно, надо просто переключить внимание на что-то еще, а затем взглянуть на проблему иначе? С иной точки зрения, под иным углом?

А где можно лучше всего отвлечься от проблем, как не... в цирке?! Когда-то мы с Гунилой любили цирковые представления. Это было так давно, в другой жизни...

Альберт, ну конечно! Тебе надо пойти развеяться в цирк! В конце концов, если постоянно напрягать мозг, он ведь может и перегореть! И очень удачно, что «Circus Scott» снова гастролирует в Стокгольме, как я слышал.

Я вызвал в кабинет секретаря. Дверь открылась, и вошла фрекен Ирма Содерстрем, приятная пожилая дама, обеспечивавшая мне комфорт в служебное время.

– Господин полковник? – вопросительно произнесла она и застыла в ожидании.

– Фрекен Ирма, скажите, что у нас показывают в цирке? – спросил я и увидел, как на лице секретарши медленно, как отпечаток на фотобумаге, возникает изумленное выражение.

– Да-да, в цирке! – нетерпеливо повторил я.

Дама постепенно овладела собой, ее лицо приняло прежнее спокойно-чопорное выражение.

– Господин полковник, я немедленно уточню.

Да вот еще, буду я гонять даму, использовать служебное положение! Почему бы мне не прогуляться до шатра самому? До Юргордена не так уж и далеко. Заодно и проветрюсь. Давненько я не ходил пешком просто так, не прогуливался по Стокгольму.

Все, решено! Я иду сам!

– Дорогая фрекен Ирма, пожалуй, я сам прогуляюсь. А вы на сегодня свободны.

Тут уж пожилая секретарша не смогла сохранить лицо. На нем, сменяя друг друга, появлялись и исчезали крайнее удивление, паника, радость и полное отсутствие всякого присутствия.

– Но, господин полковник... куда же я пойду... в служебное время... хотите, я сварю кофе? ...- бормотала дама.

– У вас ведь племянники? Вот и займитесь ими сегодня. Кру-гом! Идите уже, это приказ! – почти смеясь, произнес я с напускной строгостью.

При слове «приказ!» фрекен Ирма мгновенно вся подобралась и, развернувшись через левое плечо, почти строевым шагом вышла из кабинета.

А я, почувствовав радостное возбуждение, как подросток, собирающийся совершить какое-нибудь запретное непотребство втихаря от родителей, пулей вылетел из изрядно уже надоевших служебных стен.

До шатра «Circus Scott»¹⁵ я шел кружным путем, наслаждаясь влажным воздухом Стокгольма, топая по его мостовым. Это было так прекрасно!

Следы войны почти стерлись с прекрасного лица города, и лишь кое-где на окнах все еще оставались белые бумажные кресты...

Нет, решительно, хотя бы раз в неделю такие прогулки просто необходимы!

Я уже почти дошел до гигантского циркового шатра, когда мой расслабленный глаз внезапно зацепился за яркую цирковую афишу на большом фанерном щите.

И как будто какое-то озарение мгновенно произошло со мной!

Я тут же развернулся, и уже по прямой почти побежал назад, в свой служебный кабинет, в Штаб обороны.

Скорее, скорее, срочно звонить Профессору!

Профессор Лунд. Цирк.

Работа над проектом под кодовым названием «Эльф» продолжается уже без малого два года.

Я пока не продвинулся сколько-нибудь ощутимо к его осуществлению.

Да, я решил, что летающие солдаты будут, фактически, моторизованными десанниками.

Начал я, как обычно, с пациентов психиатрического госпиталя¹⁶, которых мы всегда использовали для экспериментов по заказу военных.

С администрацией госпиталя была четкая договоренность, пациенты нам доставались те, кто был в госпитале на дожитии, которыми давно никто не интересовался, и которым никто и ничем уже не мог помочь. Можно сказать, это был их последний шанс принести пользу Родине.

Очень скоро, однако, стало ясно, что толку от них в этом проекте нет никакого, да и быть не могло. Ведь проект требовал от участников не только хороших физических возможностей, которыми несчастные «овощи» тоже не обладали, но и определенного уровня интеллекта, способность изучать документацию и исполнять инструкции и приказы. А эти бедолаги годны были только для испытаний всяких лекарств и прочей химии.

Так я понял, что надо искать добровольцев.

По моей просьбе Свенссон стал искать их на авиабазах, в авиационных училищах и среди действующего летного состава, что вполне логично.

Добровольцев было немало, каждый готов был отдать свое время и, возможно, лишнее здоровье (кого попало не берут в авиацию) за обещанное продвижение по карьере и всяческие бонусы.

В соответствии с первоначальным планом я работал с огромными гренадерами, способными нести на себе тяжесть мотора, который должен был их поднять и перемещать в воздухе. Мотор должен размещаться в ранце, который надевается на спину испытуемому. Баки с горючей высокоэнергетической смесью навешиваются по бокам. Вроде, все так. Но при первых же испытаниях выяснилось, что, чем крупнее пилот, тем мощнее, а значит – тяжелее должен быть

двигатель, тем больший необходим запас топливной смеси. И тем больше должны быть лопасти воздушного винта. Это был порочный круг, из которого не было выхода.

И мало того, что пилоты, наши «эльфы» просто не взлетали. Воздушный винт у них располагался на спине как можно дальше от головы, на пояснице. При развитии подъемной силы, достаточной для отрыва от земли, вращающийся винт в полном согласии с законами физики начинал раскручивать «эльфа» в противоположную сторону, и с такой силой, что мы таким образом потеряли двух человек, после чего поняли, что надо что-то менять в самой идее.

Во-первых, надо сделать двигатель максимально компактным и легким, при этом мощность его должна быть очень большой.

Во-вторых, топливная смесь должна быть еще «энергичнее», чем мы имели на данный момент

В-третьих, воздушный винт необходимо изменить так, чтобы он не убивал пилота, раскручивая его.

В-четвертых, мы поняли, что и сам пилот нужен такой, чтобы его вместе с амуницией мог нести сверхкомпактный двигатель. То есть, пилот не должен быть огромен, совсем наоборот, он должен быть довольно мал, и аэродинамика у него должна быть подходящей. Но не использовать же детей, в конце концов!

В-общем, по прошествии почти двух лет от начала проекта, мы к этому самому началу и вернулись, имея в активе амбиции, по-прежнему карт-бланш по снабжению и финансированию, а в пассиве – два героических трупа, похороненных с воинскими почестями, несколько негодных прототипов, большие вопросы на тему «где взять нужного пилота?» и много разных других разочарований.

Полковник Свенссон принимал активнейшее участие в проекте. Он отвечал за снабжение и рекрутирование добровольцев. Если бы не он, проект уже давно пал бы бесславной смертью.

И, паче чаяния, он оказался совсем не таким уж тупым солдафоном, за которого я принял его после наших первых встреч. Я увидел в нем настоящего патриота, который радеет за дело от всей души.

Сегодня он позвонил мне в университет и таинственным голосом сказал, что, вполне возможно, знает, как решить задачу поиска пилотов. Ни на какие вопросы по телефону он отвечать не стал. С плохо скрываемой радостью он сказал: «Господин Профессор, я завтра приеду за Вами. Мы идем в цирк!»

Мало того, что такое поведение вообще никак не вязалось с тем полковником Свенссоном, которого я знал, так еще это его «мы идем в цирк!» ... Я был абсолютно заинтригован.

Назавтра, ближе к обеду, я увидел из окна своего кабинета, как к Университету подкатил «Вольво» Штаба Национальной Обороны. Из него, не дожидаясь, пока водитель по всей форме откроет перед ним дверь авто, выскочил Свенссон и, как на пружинках, едва ли не попрыгал к входу в Университет. В изумлении я отправился к двери кабинета, чтобы встретить гостя.

Свенссон как на крыльях подлетел к кабинету и, вопреки всем приличиям, вместо обычного официального приветствия схватил и горячо потряс мою правую руку, стиснув ее так, что я чуть не охнул.

– Господин Профессор, едем немедленно! Вы все поймете, как только начнется представление! – глаза его сияли, он выглядел так, как будто был абсолютно счастлив.

Ничего не понимая, я быстро оделся и последовал за полковником в его служебный автомобиль.

Всю дорогу я пытался хоть что-нибудь выудить из него, но он вел себя таинственно, то как тихий помешанный, то как доброжелательный имбецил с проявлениями дурашливости.

В-общем, я не знал, что и подумать. Оставалось лишь ждать представления.

Мы приехали как раз к его началу.

Это был великолепный шатер «Circus Scott».

Надо сказать, цирки не прекращали работу даже в самые трудные времена. Не стала исключением и эта война, не говоря уже о послевоенном времени.

Мы влетели в зал почти в тот момент, когда огромный и, как в начале века, весьма представительный шпрыхшталмейстер¹⁷ с пышными усами, объявил о начале представления.

И тут началось! Я так давно не был в цирке, что совсем забыл, что это такое.

Представление захватило меня всего, я потерял счет времени и чувствовал себя так, словно Густав, мой маленький Густав жив и сидит рядом со мной, и мы вместе хохочем над клоунами, замерев от изумления, смотрим на дрессированных тигров и восхищаемся акробатами, замирая от страха во время их полетов над манежем...

Минуточку... Акробаты... Позвольте-позвольте, а это что там за гном летает с одной трапеции на другую?... Нет, как это... Да это же...

Я вопросительно взглянул на Свенссона и по его гордому и счастливому виду понял все.

Гном продолжал свои нереальные полеты. Это был типичный хондродистрофик с характерным телосложением: крупной головой, хорошо развитым мускулистым туловищем, короткими деформированными ручками и ножками, на которых явственно выделялись жгуты мышц. Он был ростом раза в два ниже и настолько же легче любого из своих партнеров по номеру, но в этом и было его преимущество. Ведь в мускульной силе он, судя по всему, не уступал нормальным акробатам.

Оглушительно гремел цирковой оркестр. Шпрыхшталмейстер, перекрывая его, громогласно провозглашал:

«Уважаемая публика! Великолепный летающий крошка Нильс Хольгерссон¹⁸ и его гуси!»

Рослые, крепкие «гуси»-акробаты теперь буквально швыряли его через весь манеж друг другу, а он в полете вытворял нечто совершенно невообразимое. Он летал и кувыркался так, как я никогда еще не видел, чтобы это делали обычные люди.

– Свенссон, вы гений! – крикнул я полковнику прямо в ухо, чтобы перекричать аплодисменты и восторженные вопли публики.

Надо было видеть, какую довольную физиономию соорудил этот чопорный вояка!

После представления мы с полковником, едва придя в себя, отправились за форганг, в закулисы цирка. Нам необходимо было поговорить с «Великим Нильсом».

В конце концов, расспросы привели нас в его артистическую уборную.

Карлик сидел перед огромным по сравнению с ним самим зеркалом, освещенный яркими лампами. Он встретил нас непонимающим настороженным взглядом. Было заметно, что он не особенно расположен общаться с кем бы то ни было после представления вместо того, чтобы отдыхать.

Но, тем не менее, когда мы представились, он неожиданно крепко пожал нам руки и вежливо поинтересовался, чем может быть нам полезен.

Нас интересовало, много ли он знает таких же, как он, маленьких силачей, и можно ли кому-то из них предложить участие в неких исследованиях на благо национальной обороны Швеции.

Сначала летающий малютка расхохотался, затем, подумав немного, сказал:

– Господа, еще лет пять назад я и сам бы с радостью и надеждой согласился. Уж очень мерзко было моё существование... Как вы, наверное, поняли, у меня хондродистрофия. - его лицо на мгновение приняло скорбное выражение, очевидно, из-за пробудившихся воспоминаний. – Но теперь я живу абсолютно другой жизнью. Я научился извлекать из своей карликовости выгоду. У меня есть всё – имя, хорошо оплачиваемая работа, успех, связи и даже некоторое количество почитателей. И все мои родственники по несчастью, страдающие этой же болезнью, тоже хорошо устроены здесь, в цирке, не без моей, разумеется, помощи. Вам нужно искать тех, кто хотел бы отказаться нести груз, который представляют собой наша болезнь и связанные

с ней телосложение и невзгоды. Вам нужны те, кто обижен судьбой и людьми и готов хоть в пекло ринуться, лишь бы не жить такой жизнью. Я же, к сожалению или к счастью, ничем не смогу вам помочь. Желаю успеха вашему проекту и процветания вам и старушке Швеции.

Маленький человек церемонно поклонился нам, и мы поняли, что разговор окончен.

И хотя сегодня мы не получили идеального «эльфа», из шатра мы выходили окрыленные, полные надежд. Ведь теперь, благодаря нашему походу в цирк и «Великолепному Нильсу Хольгерссону», мы отчетливо представляли, каким он, наш летун, должен быть, и примерно – где и как его искать.

А пока необходимо было поработать над созданием двигателя и движителя для такого пилота. Чтобы к моменту, когда мы его найдем, у нас уже была если не готовая система, то хотя бы ее проработанная концепция.

Всю дорогу в Лунд мы ехали молча, углубившись каждый в свои мысли. И лишь прощаясь, я крепко пожал руку Свенссона и прочувствованно сказал:

– Полковник, спасибо вам за цирк, за идею, за все! Это было великолепно!

– Господин Профессор, я очень рад быть полезным. Желаю нам победы. Теперь я поверил в ее возможность, как никогда ранее.

Впереди была бессонная ночь...

Полковник Свенссон. После цирка.

После нашего похода в цирк я с новой энергией вернулся к проекту.

Теперь у меня было твердое понимание: все возможно. Надо лишь найти такого человечка, как «Великолепный Нильс», и все получится! Хорошо бы, конечно, не одного, но надо с чего-то начать.

И я начал искать.

Где искать? – так подумал я сначала. Бегать по Швеции и кричать: «Срочно требуются карлики для экспериментов на благо Национальной обороны страны!»?

Нужно было в первую очередь понять, где могут находиться эти человечки.

Для большинства обычных людей они были никчемными уродцами. Наверняка, их всячески обижали и оскорбляли. Возможно – даже били. И они, вполне возможно, старались не попадаться лишним раз «большим» на глаза. Значит, найти их будет не слишком просто.

Но, с другой стороны, мне могла помочь ... политика расовой чистоты.

Я прекрасно знал, что правительство старалось убрать долой с глаз обычных людей всех, кто мог напомнить им, что люди бывают разные, и что не всем повезло родиться такими, как они сами. У правительства свои резоны, я, как человек военный, не в праве рассуждать на такие темы, тем более – осуждать политику государства. Мое дело – исполнять приказы.

Куда мы покатимся, если каждый, особенно – каждый солдат, начнет иметь свое мнение? Известно, куда!

В-общем, если людей с подобной внешностью правительство предпочитает удалять с видных мест, значит, надо найти те невидимые места, куда их всех прячут.

А прятали их, как выяснилось, в приютах.

Когда я начал свои розыски, у меня, кажется, сильно прибавилось седых волос.

Даже меня, вояку со стажем, повергли в ужас порядки в этих учреждениях.

Те дети, которые меня интересовали, как правило не воспринимались никем, как человеческие существа. Они попадали в спецприюты для неполноценных, росли в полном забвении. Их практически не учили ничему, что необходимо обычным людям, и по достижении совершеннолетия, если они до него доживали, их передавали на дожитие в инвалидные дома или в приюты для престарелых. Там их жизнь постепенно угасала вдали от глаз нормальных граждан Швеции.

И это значило, что так мы никого не найдем для нашего проекта.

Меня вновь охватило отчаяние.

Но надежда вновь посетила меня в одном из спецприемников-распределителей на юге Швеции. Там, когда я формулировал свой запрос женщине-педагогу, занимающейся направлением детей, изъятых из семей, в приюты, она вдруг смутилась, покраснела и, извинившись, выскочила из кабинета, где мы общались.

Буквально через минуту она появилась в сопровождении мужчины в белом врачебном халате.

Еще через минуту, выслушав сбивчивый рассказ этих двух работников, я уже знал следующее: давным-давно, одиннадцать лет назад, через этот распределительный пункт проходил изъятый у матери-одиночки ребенок, мальчик, по описанию как раз очень подходящий. И он оказался очень умным и развитым, приятно удивив педагога в беседе своими способностями к счету. Поэтому, не желая делать еще одного несчастного ребенка никому не нужным, бесполезным для страны оловом, педагог и доктор, на свой страх и риск, отправили мальчика в обычный приют вместо специального. И ребенок запомнился им обоим, поэтому, когда я изложил им свой запрос, педагог сразу о мальчике и вспомнила.

После этого рассказа в архиве был найден журнал приема-распределения детей. Я узнал, что ребенка звали Эгиль Фергюссон, и что его отправили в приют, который находился по указанному в журнале адресу.

У педагога и доктора был такой вид, будто я уличил их в давно совершенном должностном преступлении. Они, похоже, даже не представляли себе, насколько я им благодарен!

Теперь мне необходимо было убедиться в том, что наш драгоценный Эгиль жив и пребывает в здравом уме, в ином случае весь проделанный мною поиск и его обнадеживающий результат стали бы бесполезны.

Поэтому я тут же связался с приютом по телефону.

Со мной, как и полагается, говорил директор приюта. Узнав, кто меня интересует, он сильно удивился. Он начал говорить, что всегда подозревал, что Эгиля Фергюссона, этого дерзкого уродца, прислали в его приют по ошибке, что это вопиющая некомпетентность работников распределителя, что он готов был сигнализировать, но было слишком много важных дел, и текучка заела, и надо было исполнять свои нелегкие обязанности, ведь на нем здесь все держится, и надзирателей не хватает, а Швеции нужны дисциплинированные работники, коих его приют и лично он усердно воспитывает.

Переждав этот словесный поток, я, наконец, смог задать вопрос о том, как сейчас поживает «этот дерзкий уродец», чем он занят на благо Швеции, какие у него успехи в труде и учится ли он.

После недолгой изумленной паузы директор ответил, что, невзирая на свою природную ущербность, этот карлик учится лучше всех в приюте, обгоняя даже старших воспитанников. И что прилежно трудится в столярной мастерской и на фермах окрестных хозяев, куда воспитанники доставляются для трудового воспитания. И все это, конечно же, исключительно благодаря стараниям надзирателей, учителей и, главное, лично его, директора, неусыпно трудящегося на благо Родины.

Я был буквально на седьмом небе от счастья! Господи, неужели наконец-то мы нашли того, кто нам был так необходим все эти годы?!

Ну что же, теперь я могу порадовать нашего замечательного господина Профессора.

Мое сообщение произвело на Профессора эффект разорвавшейся бомбы. Я прямо слышал в телефонной трубке, как он вновь обретает надежду на успех нашего предприятия после всех наших прошлых неудач и поражений, ожившую после памятного циркового представления, и вновь угасшую за время безуспешных поисков.

Выдав ему всю необходимую информацию, я, наконец, успокоился, и сразу после того, как положил трубку на рычаги телефонного аппарата, вознаградил себя рюмкой коньяку и

гаванской сигарой, чего не мог себе позволить уже два года, с самого начала работы над проектом.

Попивая терпкую ароматную влагу и попыхивая прекрасной сигарой, я думал: «А Черчилль совсем не дурак!»

Это было совершенно восхитительно!

Эгиль. Летать!..

На плацу нашей гостеприимной тюрьмы – май 1946 года.

Прошло уже одиннадцать лет, как я в приюте.

Эти годы ползли, как ползут нагруженные непосильным грузом старые несмазанные телеги, в которые запряжены умирающие от старости клячи. А мы – те самые клячи. А наши надзиратели, педагоги и директор – те, кто нещадно хлещут нас, издыхающих от непосильного груза, но все без толку, потому что мы не можем и не хотим тащить свои телеги хоть чуток быстрее. И все всё прекрасно понимают. Но изменить ничего невозможно, да и – зачем? Работа такая. И у нас, и у них.

Именно так ощущается время в стенах приюта. Изю дня в день – одно и то же.

Мне исполнилось семнадцать, но ничего не изменилось с того самого первого дня, когда меня доставили сюда. Разве что, мы все стали на одиннадцать лет старше.

С одной стороны, иногда, как говорит наш директор, отсутствие новостей может быть самой наилучшей новостью. С другой стороны, я так устал от всего этого, что мог бы поспорить с этим утверждением.

Мое имя по-прежнему – Двари. Мне по-прежнему не дают прохода громила Рулле и его прихвостни. Никому из нас, узников этого приюта, не дают свиданий с родственниками. Говорят, потому, что общение с ними может свести на нет пользу от того трудового воспитания, которому мы подвергаемся ежедневно. Поэтому я так ни разу и не виделся ни с мамой, ни с бабушкой.

Нас всех довольно часто наказывают самыми разнообразными способами за самые разнообразные проступки. Но к этому мы уже, можно сказать, привыкли, «закались в неравных битвах». Хотя, конечно, лишение завтрака или публичная порка все еще оставляют несколько неприятное послевкусие.

Наш ландсхевдинг¹⁹, губернатор нашего округа, однажды посетил приют. После этого в одном из кабинетов появились деревянные стеллажи (которые мы сами и делали в столярной мастерской). А потом появились и книги.

Говорят, губернатор устроил благотворительный сбор книг в округе.

Так у нас появилась библиотека. Для большинства дефективных воспитанников в нашей группе это не стало каким-то выдающимся событием, разве что у них появилось немного свободного времени для его разбазаривания ни на что.

Немногие же другие, в том числе и я, стали использовать это время для того, для чего оно и было выделено директором – для чтения.

Читал я все подряд, ведь пожертвованные сердобольными жителями округа книги относились к самым разнообразным отраслям человеческого знания – от учебников по физике до древних скандинавских саг. Были там и очень правдивые книги, прямо про нас, узников приюта. «Каллокаин» Карин Бойе²⁰ мне особенно запомнился.

Но самое главное, когда я читал, я исчезал из этой тюрьмы: из казармы, из классов; рядом не было никаких Рулле, Филле и прочих угроз... Моя любимая сказка тоже была среди скудных библиотечных фондов нашего приюта. Как же я обрадовался, когда наткнулся на нее!

Джеймс Барри, «Питер Пэн и Венди», шведское издание 1921 года!

Изрядно истрепанная, видимо, зачитанная до дыр каким-то счастливчиком в коротких штанишках или счастливицей в платице между объятиями матери и ужином, а может – перед сном, прежде чем получить поцелуй в лобик...

Черт, даже думать об этом противно! Что за слюняйство! Но... как же я им завидовал, этим неведомым малявкам!

И, читая взалхлеб эту волшебную книгу, сам я как будто попадал в семью Венди, летал, как Питер Пэн, по воздуху, верховодил мальчишками в чудесной стране вечного детства... И снова летал, летал, летал! И потом, во сне, продолжал летать, как Питер, высоко-высоко над землей, над этим треклятым приютом, и летел к маме и бабушке, чемпионке по обниманию. И был свободен! Только мама почему-то закрывала передо мной окно... И я строил себе домик около дымовой трубы на крыше, прямо над нашей квартирой...

А утром, в 6.00... ну, дело известное. В этой части моего бытия ничего никогда не менялось. И, наверное, никогда не изменится.

Новые люди крайне редко посещали нашу каторгу

Обычно мы имели счастье лицезреть только нашего директора, надзирателей, друг друга, да еще иногда фермеров, хозяев близлежащих ферм.

Сами мы всегда ходили в одинаковой для всех робе, лишь в дни государственных праздников нам было предписано надевать парадную одежду, которая немногим отличалась от повседневной, разве что была почище да поярче, и тоже была у всех одинаковой.

Директор и персонал одевались подчеркнуто официально во время пребывания в приюте. Они выглядели так, как будто сговорились как можно сильнее отличаться от нас, чтобы нас не дай бог не перепутали. При этом между собой они были неразличимы, как яйца в корзине.

Фермеры иногда посещали приют, чтобы договориться с директором о нашем трудовом воспитании на их ферме. Они одевались просто, но аккуратно.

Итак, около полудня я сделал небольшой перерыв и слез с ящика, который для моего удобства был приставлен к верстаку. Выйдя из столярки, я увидел следующую картину.

Неизвестный гость ходил в сопровождении надзирателя по приюту, заглядывал в комнаты, мастерские, столовую. Он был довольно крупным для обычного человека, для меня же, понятное дело, он был просто великаном.

«Какой-нибудь инспектор. Может, директору, наконец, за что-нибудь нагорит.» - с надеждой подумал я и с интересом начал разглядывать незнакомца.

Тот даже при беглом осмотре сильно отличался от всех, кого я когда-либо видел в приюте.

Одет он был просто, но дорого, это понял даже я.

На нем был просторный серый плащ, красивая темно-серая шляпа с средней ширины полями и черным околышем была чуть сдвинута назад, под плащом виднелся ворот светлой рубашки с черным галстуком. Из-под плаща спускались просторные, тщательно отутюженные темно-коричневые брюки. Завершали его видимый моему неискушенному глазу гардероб нагута-линенные до блеска черные ботинки.

Дядя явно не бедный. И у него точно есть собственная фру²¹, которая заботится о стрелках на его штанинах.

Судя по всему, надзиратель проводил ему экскурсию по нашему «гостеприимному дому, где труд и сама жизнь воспитывают из нас, отбросов общества, будущих полезных для Родины дисциплинированных работников», как частенько после утренней молитвы распинался перед нами директор.

Надзиратель что-то заискивающе говорил посетителю, но тот, как будто, что-то или кого-то искал глазами.

Наконец, увидев меня, он, не обращая внимания на болтовню надзирателя, направился прямо ко мне. Да ладно! Не может такого быть!

Но нет, точно! И подойдя ко мне, он сказал, глядя на меня с высоты своего немалого роста:

– Мальчик, ты ведь Эгиль Фергюссон?

Это прозвучало, как гром с неба. Уже одиннадцать лет никто в целом мире так меня не называл. И я подумал, что человек обращается к кому-то другому.

Однако он продолжал смотреть на меня, вокруг никого больше не было, и я вспомнил, что именно так меня когда-то звали.

Ничего подобного тому, что представлял из себя этот визитер, мне никогда видеть не приходилось.

Высокий, плотный, с седыми волосами, зачесанными вверх и назад, и открывавшими высокий умный лоб. И – глаза... Внимательные, спокойные, серо-голубые, они смотрели прямо куда-то глубоко в меня, как будто что-то главное во мне высматривали. От этого мне стало очень не по себе.

Зачем ты пришел, кто ты такой? Опасен ли ты? Чего от тебя ждать? Чего тебе от меня надо?!

Так думал я, но вслух такое сказать в жизни не решился бы. За это можно было и в карцер сгребеть. Поэтому я просто отвел глаза в сторону и смотрел мимо него, этого человека из незнакомого мне мира. Я выключился из реальности и ждал, когда все закончится.

– Так это ты Эгиль Фергюссон? Ты понимаешь, что я сказал?

– Да, понимаю. Я же не идиот какой-нибудь. – сказал я наконец, поняв, что отмолчаться не удастся, и что явной угрозы нет. – Да, я – Эгиль Фергюссон.

Он улыбнулся, и, обернувшись к надзирателю, нервно переступавшему с ноги на ногу за его спиной, спросил:

– Херр...

– Окессон, херр профессор, Йоран Окессон, - суетливо проговорил надзиратель

– Херр Окессон, - вежливо продолжил херр профессор, - Можем ли мы где-нибудь поговорить с этим юношей наедине? Дело государственной важности.

– Конечно, херр профессор, конечно! Можете беседовать, сколько потребуется, прямо в библиотеке. Я провожу.

– Спасибо, не нужно. Я думаю, мы с Эгилем не заблудимся. Верно, херр Фергюссон? – и профессор насмешливо улыбнулся мне, и посмотрел на меня, как будто оценивая.

– О, да-да. Несомненно, вы не заблудитесь. Могу я тогда вас оставить и вернуться к исполнению своих прямых обязанностей? – надзиратель потешно вытянулся перед нами в струнку.

– Несомненно, вы можете нас оставить. – сказал профессор, и, забыв о надзирателе сразу, как только отвернулся от него, обратился уже ко мне, протянув руку:

– Ну что, Эгиль, проводишь меня в библиотеку?

– Несомненно, провожу. – ответил я, нарочно нажимая на «несомненно», и на всякий случай не взял протянутую руку.

Профессор, услышав мой нахальный ответ, удивленно усмехнулся, снова смерил меня оценивающим взглядом, и мы двинулись по уютному коридору.

Как только за нами закрылась дверь библиотеки, профессор оглядел наше книжное хозяйство и, по-видимому, остался доволен.

Усевшись на стул, он жестом предложил мне сесть напротив него. Затем, подумав немного, проговорил:

– Эгиль, прости, я не представился. Меня зовут херр Бьорн аф Лунд. Скажи, а кто дал тебе такое имя – «Эгиль»?

Меня прямо передернуло от этого вопроса. Пока я решал, а не выключиться ли мне снова, Профессор продолжил.

– Наверное, тот, кто не любил тебя и стыдился твоей... мм... необычной внешности?

Он продолжал смотреть на меня, как будто оценивая мою реакцию на свои вопросы.

Необычной?! Вот это ничего себе, никто еще так не описывал то, как я выгляжу! Что ты можешь знать об этом, ётун²² хренов! Сам-то вон, какой вымахал!

– Эгиль, скажи, тебе нравится жить здесь, в приюте? Тебя не обижают?

Да он издевается! Пожил бы ты здесь с недельку, умник, я бы на тебя тогда посмотрел! Нет, определенно - надо выключаться.

Похоже, мое лицо сказало ему достаточно, поэтому он успокаивающе произнёс:

– Не отвечай. Я все понимаю. Я знаю... слышал, как вам здесь живется. – он застыл, как будто что-то обдумывая. Потом отрицательно мотнул головой, отвергая какую-то мысль.

Снова пытливо посмотрел на меня и спросил:

– Любишь читать?

Вот ведь докопался! Чего ему от меня надо!

– Люблю. А это плохо?

– Да нет, почему же плохо? – он удивленно поднял брови. – читать – это прекрасно. Читать полезно и для души, и для ума. А какая у тебя любимая книга?

Он задел меня за живое и, очевидно, сразу понял это по моей реакции.

Я насупил и опустил глаза, избегая его пытливого взгляда. Мои руки сами по себе скрестились на груди, а ноги – под стулом, да так быстро, что я даже понять ничего не успел. Да кто он такой, чтобы лезть мне в самые секретные места?

Пауза повисла тяжелая, как бадья с навозом, наполненная нами на ферме.

И среди напряженной тишины снова раздался голос профессора:

– Прости, Эгиль, я вовсе не хотел тебя обидеть. Не хочешь – не говори. Но мне очень важно знать, какие книги ты любишь читать. Поверь, это действительно важно для меня.

Что-то в его голосе немного успокоило меня, и я чуть-чуть расслабился.

– А зачем вам это знать? – спросил я, расхрабившись. Видно, я зачем-то очень нужен этому большому и важному профессору, раз он так старается.

– Понимаешь, я ученый, и мне очень нужен такой помощник, как ты. Чтобы был небольшого роста, умел и любил читать, был умным и понятливым. И хотел мне помогать. Потому что я делаю очень важную научную работу для обороны всей Швеции.

Ого, вон оно как! Интересно! Это я что же, буду работать для обороны всей Швеции? Здорово! Там, наверное, и кормить будут поинтереснее, чем здесь, в нашем «благословенном» гадюшнике. И лупить, и обзывать не будут... Только все это – чушь собачья и ерунда, я думаю. Врет этот профессор, как дышит. Это он меня-то, такого красавчика, к себе в помощники?! Папа Фергюссон лопнул бы от смеха!

Хотя... Выглядел Профессор вполне себе солидно. Чем черт не шутит? А вдруг не врёт?

– «Питер Пэн и Венди». Это моя любимая книга. – сказал, наконец, я.

И тут я увидел, как лицо профессора внезапно исказилось, как если бы он вдруг собрался заплакать. Да что это с ним?

Профессор, словно спохватившись, отвернулся и, вынув из кармана своего дорогого плаща носовой платок, громко высморкался в него. Повернувшись ко мне снова, он уже выглядел почти совсем спокойным, только глаза его были чуть красноватыми и припухшими.

– А почему именно эта книга так тебе нравится? – спросил он меня уже каким-то другим, как будто чуть надтреснутым, голосом.

– Питер Пэн свободен, ему никто не указывает, что делать! Он не взрослеет и летает везде, где захочет. Я тоже хочу, как Питер Пэн! – проговорил я, не глядя ему в глаза.

Профессор как будто заставил себя сидеть на стуле, хотя видно было, что он готов взлететь под потолок вместе с ним, так его обрадовали мои слова.

– Так ты хочешь летать, Эгиль?! Так ведь это как раз то, зачем я здесь!

Он схватил меня, легко поднял со стула и мгновенно прижал меня к своей груди. Прямо как моя бабушка, чемпионка по обниманию...

Как же это хорошо...

– Мальчик мой, ты будешь летать! Ты будешь летать!..

Профессор Лунд. Знакомство с человечком.

Когда этот маленький человечек, изломанный судьбой, назвал свою любимую книгу, меня будто ударили в самое сердце.

Это была та самая книга, которую я читал моему малютке Густаву каждый вечер перед сном. И которую он любил больше всего на свете.

После моего чтения Густав каждый раз, уютно укладываясь на бок и, почти уже засыпая, тихонько спрашивал меня:

– Папочка, я ведь тоже смогу летать, как Питер Пэн?

И сладко засыпал, не дожидаясь ответа.

Он был славный мальчуган, мой Густав. Умненький, красивый, как его мама, моя любимая Ингрид. Он был нашим ангелочком, которого мы любили больше всего на свете.

Густав был, что называется, «поздний ребенок». Мы с Ингрид познакомились уже довольно взрослыми. Мне было тридцать пять, Ингрид – тридцать три.

Дело было в лучевой клинике Радиумхеммет²³, куда я приехал в 1935 году для знакомства с методами стандартизации дозировок радиотерапии раковых опухолей.

В физической лаборатории мое внимание сразу привлекла очаровательная голубоглазая блондинка, которая ассистировала директору лаборатории доктору Ральфу Сиверту. Мы были представлены.

Я пробыл в Радиумхеммет почти месяц. И все это время мы встречались с красавицей ассистенткой в лаборатории, столовой для персонала, коридорах клиники. Как будто сама судьба не давала нам разминуться.

Буквально за день до моего отъезда я предложил девушке прогуляться по Стокгольму. Мы бродили по узким мощеным улочкам старинного Гамла Стана²⁴ и почти не разговаривали. И странное дело, было ощущение какой-то тонкой, но очень глубокой связи между нами. И когда мы шли по самой узкой улочке Стокгольма - Прэстгатан²⁵, мы невольно прижимались плечами друг к другу. Перед лестницей, ведущей с Прэстгатан вниз к Вестерлонггатан я мягко взял Ингрид за плечи, бережно повернул к себе лицом и осторожно поцеловал ее прекрасные губы. Она закрыла глаза и не сопротивлялась.

Через пару месяцев я приехал в Стокгольм снова, уже для того, чтобы сделать Ингрид официальное предложение.

Потом были знакомства с родителями, благословения и все, что обычно бывает в таких случаях.

После того как мы зарегистрировали брак в Стокгольмской ратуше и были улажены все формальности в клинике, мы с Ингрид, теперь уже моей прекрасной супругой, уехали ко мне в Лунд.

С тех пор Ингрид работала моим ассистентом. Мы понимали друг друга с полуслова. Часто один из нас заканчивал фразу, начатую другим.

Почти четыре года мы не могли завести ребенка. Возможно, из-за тех опасностей, которым подверглось здоровье моей любимой в период работы в Радиумхеммет.

Но наконец Господь услышал наши молитвы и 31 августа 1939 года на свет появился Густав. Тогда я купил моей прекрасной жене самый роскошный аромат, какой смог найти - «Joу». Ведь она подарила мне такую огромную радость!

А на следующий день Германия вторглась в Польшу.

С началом войны работы не убавилось, скорее даже наоборот.

Густав рос, а я не мог быть с ним так много, как мне хотелось. Работа в лаборатории, лекции, студенты, конференции и симпозиумы... Все это отнимало львиную долю моего времени. И я страстно любил все это.

С моим ангелочком я мог быть лишь в выходные, на Пасху и вечерами за семейным столом. Да во время чтения нашей книжки перед сном...

15 июля 1944 года я проводил дополнительное лекционное занятие по просьбе студентов, которые в течение прошлого семестра проходили временную военную службу. В лекционный зал быстро вошел ассистент кафедры и сказал негромко, чтобы не слышали студенты:

«Господин Профессор, звонила фру Лунд, просила Вас срочно приехать в госпиталь. Что-то с Вашим сыном...»

Ему скоро должно было исполниться пять лет, когда он заболел.

Началось все как грипп – вялость, усталость, кашель. Потом сильная головная боль, лихорадка.

А потом по всему телу Густава рассыпались кровоизлияния...

Очень скоро увеличились лимфоузлы.

Проведенные исследования говорили однозначно: острая лейкемия.

А потом появились признаки страдания мозга...

Он умирал несколько недель, и никто не мог его вылечить. Болезнь развивалась стремительно. Постепенно отказывали органы и нам стало ясно, что мы теряем его.

В последний день ему как будто стало лучше, и мы с Ингрид воспрянули духом, надежда поманила нас своим слабым отблеском. Но доктор, лечивший Густава, печально покачал головой...

Мой светлый ангел, мой Густав... Он лежал в госпитальной палате, на широкой, покрытой белоснежными простынями кровати, такой маленький, такой бледный. Запавшие синие глаза его смотрели на нас из серо-синюшных колодцев глазниц и казались огромными.

Я наклонился к Густаву, видя, что он хочет мне что-то сказать.

Он посмотрел на меня так, что сердце мое готово было разорваться в груди.

– Папочка, я ведь буду летать, как Питер Пэн, правда?

– Конечно, мой прекрасный, ты будешь летать, как Питер Пэн... – сказал я сквозь душившие меня слезы. – Обязательно.

Ингрид нежно поцеловала бледный, с кровоизлияниями, лобик Густава, сдерживаясь уже из последних сил, чтобы не испугать его своими слезами и отчаянием.

Густав глубоко вздохнул, глядя уже куда-то мимо нас, слабо улыбнулся и потерял сознание. Как будто тихо уснул после чтения своего любимого «Питера Пэна»...

Доктор сказал, глядя на меня с выражением крайней печали, что необходимо как можно скорее пригласить священника.

Больничный капеллан²⁶ очень скоро появился в палате. Нам с Ингрид он сказал: «Возьмите мальчика за руки, побудьте с ним, я соборую его в вашем присутствии».

Священник произвел на меня впечатление очень теплого и спокойного человека. Его поведение как бы говорило нам: ничего страшного не происходит, это просто переход в другую жизнь, это правильный и естественный ход событий. И, как ни странно, это действительно нас немного успокоило.

Поскольку Густав был без сознания, священник возложил на Густава руки и спокойным голосом прочел над ним молитву, а затем произнес, обращаясь к нам с Ингрид: «Господь ждет его».

На лице Густава было выражение спокойствия и умиротворения.

Вскоре врач констатировал смерть.

Наш маленький ангел покинул нас, чтобы навсегда остаться в наших воспоминаниях.

Это произошло в его пятый день рождения, 31 августа 1944 года...

А сегодня я услышал те же слова, что говорил мне перед смертью мой бедный сын, от этого большогоголового карлика с глубоко запавшими очень умными и злыми глазами, за которым я пришел в полутюремный приют для жертв расовой политики шведского государства.

Он разговаривал со мной так, словно все время ожидал удара или оскорбления. Иногда даже было странное ощущение, будто он просто отсутствует. Но, честно говоря, я сам был в этом виноват. Я изначально взял такой тон.

И сделал я это неспроста. Ведь я пришел не ради него. Я пришел ради дела государственной важности. Мне важно было спровоцировать нужного мне для проекта человечка. Уколоть его в самое больное место. Разозлив – раскрыть, взорвать его изнутри, заставить проявить свои настоящие чувства. Вынудить его согласиться уйти со мной из приюта и работать в проекте.

Но, как оказалось, всего этого и не требовалось. Он победил меня всего лишь короткой фразой. И я оказался беспомощен перед этим маленьким большим ребенком, всегда готовым ударить в ответ или замкнуться в себе.

Он уже был в моих объятиях, а я не знал, что мне делать дальше.

И в этот момент я решил бесповоротно: он будет свободен. А там – он сам будет решать, как этой свободой распорядиться.

Часть 2. Новая жизнь.

Фру Ингрид Лунд. Удивительная просьба.

В начале лета 1946 года Бьорн все так же пропадал в своей лаборатории.

Я уже не ассистировала ему года два, с тех пор как болезнь унесла нашего мальчика. Этому было несколько причин, но две из них были главными.

Те, кто терял любимого ребенка, поймут, о чем я.

Мы с Бьорном очень тяжело перенесли нашу потерю. Для того, чтобы избежать невыносимой боли от воспоминаний, мы убрали подальше с глаз все фотоснимки, хоть как-то связанные с Густавом, его игрушки, книжки. И это хоть немного облегчало наше существование.

Некоторое время мы старались как можно меньше общаться. Нет, вне всякого сомнения, мы любили друг друга не меньше, чем в то благословенное время, когда наш драгоценный сыночек был с нами.

Но между нами возникла огромная пустота, которая теперь зияла там, где был Густав. С его смертью исчезло нечто очень важное, что согревало нас, делало нас семьей, а не просто мужчиной и женщиной, живущими вместе по любви. Его смех оживлял наш дом, наш мир. Его постоянные вопросы требовали нашего внимания здесь и сейчас. Даже во время работы в Университете мы всегда точно знали, что, вернувшись домой, мы непременно обнаружим там нашего мальчика, который, замучив за день няню, сразу перенесет на нас свое внимание. И обнимет нас так крепко, что вся усталость, накопившаяся за день, враз исчезнет без следа. И мы спешили домой вместе, чтобы эта встреча состоялась как можно скорее.

Когда же Густав покинул нас, это теплое ожидание встречи исчезло. Возвращаясь из Университета, мы попадали в остывший, постаревший, потерявший свои яркие краски и звуки мир, который раз и навсегда оставило солнце.

Работая вместе, мы были бы друг для друга постоянным напоминанием о нашей общей боли, и это было бы невыносимо.

Я слышала о семьях, которые, потеряв ребенка, рассыпались и исчезали. И я теперь понимаю, как это происходит.

Но, хвала Господу, мы смогли пройти через это и остаться вместе. Потому что я не смогла бы жить без Бьорна.

Для того, чтобы сохранить нас, мы пришли к необходимости проводить наше рабочее время врозь.

Поэтому я перевелась в другую лабораторию.

Теперь мы были вместе только дома и только вечерами. Выходных у Бьорна теперь не было, он работал практически постоянно.

Спали мы вместе. Моя мама всегда говорила мне: «Ингрид, девочка моя, что бы между вами ни случилось, как бы вы друг друга ни обидели, всегда спите в одной постели. Тогда вы сможете преодолеть все, что угодно!». И я уверена, что именно благодаря мудрости мамы, нам удалось не потерять друг друга.

Ложась в постель, мы молча лежали, закрыв глаза, каждый из нас пытался притвориться спящим, но оба мы знали, что лежащий рядом не спит. Я часто слышала подавленные тихие вздохи Бьорна, и сама старалась дышать как можно тише. Потому что я не вынесла бы разговора с мужем, а он не простил бы мне жалость, которую я не смогла бы скрыть.

Просыпаясь среди ночи, я часто обнаруживала себя в его объятиях, и тогда я старалась лежать как можно тише, чтобы не спугнуть это мгновение тепла из прошлой, такой счастливой, жизни.

Утром я просыпалась первой, быстро готовила завтрак и поскорее уходила в лабораторию, чтобы не находиться с Бьорном наедине в нашем обезлюдевшем мире.

Второй причиной того, что мы теперь работали не вместе, было то, что проект, над которым работала лаборатория Бьорна, был связан с военными, и Бьорн, видимо, решил, что для меня будет менее обременительно и более безопасно не иметь к этому никакого отношения. Работа с военным ведомством сильно осложняет жизнь всякими ограничениями: секретность, неразглашение, всякие бюрократические процедуры, невозможность свободного передвижения по стране и много чего еще.

В-общем, виделись мы все так же мало и редко.

В субботу, 22 июня Бьорн пришел домой против обыкновения рано. Еще светило яркое летнее солнце, которое только готовилось склониться к горизонту.

Хотя наша лаборатория напряженно работала даже по субботам, я в тот памятный день отпросилась у шефа, так как из-за адской головной боли была абсолютно бесполезна для науки, а в моем непременном присутствии в лаборатории особой нужды не было. И я лежала на кровати, мучимая мигренью. Каждый звук, каждый блик света делал боль еще нестерпимее. Я накрыла голову подушкой и попробовала забыться. Очевидно, через некоторое время мне это удалось.

Проснувшись я от знакомого прикосновения. Родная рука нежно гладила мои пальцы. Я осторожно открыла глаза, ожидая удара яркого солнца. Но окна были завешены плотными шторами и в комнате царил мягкий полумрак.

Рядом со мной на кровати сидел Бьорн.

– Девочка моя, – сказал он очень тихо, почти шепотом, – у меня к тебе очень важное дело.

– Бьорн, что случилось? Ты так рано... – проговорила я, боясь нарушить тишину и вновь разбудить головную боль.

– Ингрид, родная, мне очень нужна твоя помощь. – продолжил Бьорн, глядя мне в глаза. Как же давно мы не разговаривали...

– В чем тебе нужна моя помощь? Говори скорее, пока я способна воспринимать. Иначе мигрень вернется, и я буду неадекватна.

В этом была горькая правда. Мигрень делала меня абсолютно беспомощной и неконтактной.

– Ингрид, я нашел, я наконец-то нашел! – его лицо почти светилось от радости. – У нас есть пилот для «Эльфа»!

– Я очень рада, дорогой. Но чем я могу помочь тебе?

Бьорн после моего вопроса задумался и не слишком уверенно проговорил, внимательно глядя на меня, как будто ловя малейшие движения моего ума, намекающие на мой ответ:

– Дорогая, я хочу тебя с ним познакомить. И прошу тебя разрешить, чтобы, пока будет решаться вопрос о его зачислении в Юнгбюхед, он пожил у нас. С нами. – поправился он.

Это было что-то совершенно неожиданное.

– Зачем? Почему с нами? – я почувствовала приближение приступа паники. С нами, в нашем доме будет жить какой-то совершенно чужой человек, а мы и без того едва сосуществуем с Бьорном в одном мире.

– Прошу тебя, для меня это... для нас это может оказаться очень важно!

Что-то в его голосе заставило меня сконцентрироваться и слушать очень внимательно.

– Ингрид, это юноша почти восемнадцати лет. Он очень умный. И очень важен для нашего проекта. Но... - тут он запнулся, потом взял себя в руки и продолжил: - Ингрид, он очень необычный юноша. Он много страдал. Он очень нуждается в человеческом тепле. Он как шестилетний мальчик, который... Я думаю, мы могли бы его немного согреть, чтобы ему стало чуть легче жить... Ему необходимо нормальное человеческое общение, а кроме нас ему никто не сможет этого дать. У него нет вообще никого!

Это было очень странно. Настолько странно, что я забыла о панике и мигрени и села на кровати. Бьорн взял мою руку и прижался губами к раскрытой ладони. Меня бросило в жар, потом в холод и снова в жар. Как же давно у нас не было даже таких мгновений нежности тогда, когда мы оба не спим!..

– Бьорн, но даже если мы пойдем на это, где он будет жить? Кроме детской у нас не... - но закончить мысль я не успела.

– Дорогая, я хотел просить тебя именно о детской.

Слезы помимо моей воли покатались по лицу. В памяти мгновенно возникли образы, которые я в течение двух лет загоняла туда, где они не могли причинить мне боль.

– Как ты мог! – почти крикнула я сквозь душивший меня комок в горле. – Как ты мог даже подумать, чтобы в ЕГО комнату впустить... поселить кого-то! Кого-то чужого!

Бьорн вздрогнул, как если бы его ударили.

– Ингрид, позволь... Всего одна встреча... Просто ужин... Решать будешь ты. Я приму любое твое решение.

Я взглянула в его глаза и поняла, что, если сейчас откажу ему, произойдет что-то страшное, что сделает нашу дальнейшую совместную жизнь невыносимой или даже невозможной. Почему-то, не знаю - почему, для него это было так важно, что мое сердце чуть не разорвалось от его взгляда.

– Бьорн, только одна встреча, хорошо? Только одна. Послезавтра вечером. И покончим с этим.

Эгиль. Прощай, приют!

Профессор сказал: «Ты будешь летать, мой мальчик!»

Если бы я услышал эти слова от кого угодно другого, я бы рассмеялся ему в лицо. Жизнь в приюте научила меня многим полезным вещам, необходимым для выживания. И одна из них звучала так: никогда не болтай лишнего. Особенно – ничего не обещай. Особенно – не обещай невозможного.

Я видел не раз, как жестоко могут наказывать за такие обещания.

Однако это был Профессор.

Я видел, как пресмыкался перед ним надзиратель. Причем, сам Профессор как будто не сделал ровным счетом ничего, что принуждало бы надзирателя так вести себя. Особенно, на глазах у воспитанника. Тем более, такого, как я.

Очевидно, Профессор был тем человеком, который может спросить за сказанные слова. И, похоже, сам не разбрасывался пустыми обещаниями.

Я это сразу почувствовал по тому, как он это сказал. В его словах была такая убежденность, что я ему сразу поверил.

Я не стал задумываться над тем, когда и как я полечу, что для этого нужно сделать. Я был готов на что угодно ради того, чтобы его слова стали правдой, свершившимся фактом.

Если бы нас с Профессором мог слышать кто-то из обитателей приюта, наверняка меня бы потом стали изводить издевательствами и унижениями, но для меня это - дело привычное и ничего не изменило бы. Потому что я поверил словам Профессора окончательно и бесповоротно.

После разговора в библиотеке Профессор отпустил меня по моим обычным делам, хотя видно было и без очков, что ему страсть, как не хочется этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.